УДК 316.3:101.8

И.В. ТУМАЙКИН

ЗАКОН И ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ ДИСКУРС: ПОЛЯРНОСТЬ ОБЪЯСНЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО МИРА

Дан анализ понятия «закон» в постмодернизме как определенного философского способа воззрения на мир. Теоретической целью статьи является самоопределение категории «закон» через критику конкурентной концепции постмодернизма, которая, как и должно любой критике, несет, прежде всего, созидательное начало.
Ключевые слова: *социальный закон, постмодернизм, релятивизм, детерминизм, истина, символ, интерпретация.*

Введение. Задачей нашей работы является указание на противоречивые стороны постмодернистской концепции отрицания социального закона, или «великого сказания» и уточнение позитивного содержания понятия «закон» через «снятие» положительных сторон нашего дискурса. Полемика о претензиях постмодернизма на нигилистическое отношение к миру – это спор между традицией Просвещения и современным миром эпохи потребления. Поэтому истоки постмодернистского отрицания необходимо искать в социальных, экономических и культурных трансформациях общества, которые выступают в нашей работе диалектическими аргументами, подтверждающими как закономерность появления самой культуры постмодернизма, так и несостоятельность их доктрины. Сложность отрицания феномена культуры состоит в факте его существования. Нельзя отрицать то, что обрело бытие, можно лишь понять это, попыткой чего и является эта статья.

Теоретические истоки постмодернизма. Постмодернизм как культурный феномен характеризуется проникновением практически во все сферы жизни общества: научной, культурной, обыденной. Ильин И.П. говорит, что «постмодернизм стал сразу претендовать на роль общей теории современного искусства в целом». Как результат, «постмодернизм начал осмысляться как выражение духа времени во всех сферах человеческой деятельности: искусстве, социологии, науке, экономике, политике и пр.». Ильин предпосылает своему исследованию тезис о том, что «постструктурализм (как исток постмодернизма) характеризуется, прежде всего, негативным пафосом по отношению ко всяким позитивным знаниям, к любым попыткам рационального обоснования феноменов действительности, и в первую очередь культуры» [1].

Истоки постмодернизма следует искать во влиянии Ф.Ницше, который, как известно, с подозрением относился к любым фундаментальным попыткам объяснения как общества, так и поведения отдельного человека. Кроме авторитетного Ницше, постмодернизм находит опору еще и в практическом провале «великих сказаний» (термин Жан Франсуа Лиотара), который подтверждает сама история человечества. Поэтому представители постмодерна считают, что «все попытки объяснить мир, в котором мы живем, предприняты ли они Марксом или британскими вигами, радикалами или консерваторами, если они используют такие понятия, как «развитие цивилизации», «становление капитализма», «силы прогресса», должны быть отброшены» [1].

Попытки выявления основных тенденций и сил человеческого развития для постмодернистов неприемлемы по нескольким взаимосвязанным причинам.

1. Теоретическое возражение. Все попытки выявления тенденций общественного развития являются теоретическими конструктами, а не результатом тщательного исследования исторического процесса. Исследователи, предпринимающие такую попытку (в контексте традиций Просвещения) не в состоянии описать его рационально и беспристрастно. Описание всегда заражено «эффектом наблюдателя», предвзятостью при изложении исторических фактов, которые всегда сконструированы и не отражают реальности. Поэтому любые претензии на объективность исследования можно смело отвергнуть.

2. Практическое возражение. Суть этого обвинения «великих сказаний» в том, что такие объяснения являются «замаскированными попытками придать настоящему и будущему определенный облик» [1]. Аргументом постмодернистов выступает тезис о том, что сама история разоблачает попытки умозрительных концепций придать ей определенное направление. Лиотар считает, что ложные претензии Просвещения несут за собой разрушительные тенденции [6]. Идеологии фашизма и коммунизма, технологии, направленные на разработку оружия массового уничтожения, эпидемическое распространение сердечных заболеваний, рака, вызванного мутагенным воздействием окружающей среды, социальная деформация – это все последствия ложных претензий Просвещения. Как демонстрацию несостоятельности «великих сказаний» в социальных науках постмодернизм часто приводит пример о крахе марксистского «великого сказания», которое видело первопричину исторических изменений в классовой борьбе и капиталистическом накоплении. Итак, для постмодерниста любое объяснение либо ложь, либо очередная интерпретация. Поэтому говорить о существовании каких-либо законов нет смысла. Но постмодернисты как будто не замечают фактов медицинского обслуживания, которое возникло благодаря выявлению законов распространения эпидемий и способов излечения, транспортных потоков, которые также регулируются в зависимости от плотности населения или от наличия часов «пик» в городе. Это примеры практического применения обобщений, оценки и объяснения причин социальной ситуации. Будь это огульной интерпретацией, которая по Бодрийяру, лишь знак и ничего более, современная цивилизация уже давно канула бы в Лету, либо погрязла бы в войнах. Следовательно, реакцию на рационализм Просвещения можно также с уверенностью считать истоком постмодернизма.

Радикальность расхождения постмодернистов с философами Просвещения кроется в полярности предпосылок их теорий: классики считают, что человеческий разум в состоянии открыть причины поступков человека и изменений в обществе, которые лежат в их основе. Постмодернисты эту предпосылку отвергают и провозглашают разрыв с 300-летней традицией научной мысли. Радикальное эпистемологическое сомнение постмодернизма обусловило позитивистские представления о природе человеческого знания. В отрицании жесткого детерминизма, насаждаемого общими теориями, мы видим положительный момент теории постмодернистов. Однозначными теориями нельзя объяснить поведение реальных людей, и это неоднократно показывала сама история. Философы постмодернизма, сами

того не замечая, интерпретировали реальность как такую, в которой применим принцип объяснения: а именно в интерпретации социальности как игровой реальности. Это положение требует дальнейшего методологического прочтения. Но атака на социальные науки со стороны постмодерна носит и деструктивный характер. Ход мыслей постмодернистов понятен и вполне воспроизводим: социальные науки еще молоды, не оформились окончательно ни относительно предмета своего исследования, ни относительно метода, они методологически «слабы», их форпост легко атаковать даже обывателю. Доводы постмодернистов основывались на аргументах о предвзятости при изложении фактов, о неполноте фактической информации, о ложной объективности, которая является лишь «маской догматизма».

Проблема аутентичности теории бытия. Ссылаясь на множественность описаний любой действительности и на сконструированность «великих сказаний», постмодернисты настаивают на том, что истина есть лишь версия реальности. Это означает, по словам Фуко, что «в каждом обществе есть свое представление об истине», чью функцию стали выполнять типы дискурсов, циркулирующих в том или ином обществе. Как следствие отказа от поисков объективной истины, постмодернисты объявили о своем отказе от поисков аутентичности, от поисков чего-то подлинного, настоящего. В современном мире нет ничего «святого», относящегося к высокому, подлинному, говорят они. Нет даже оригинала, есть всегда лишь копии, по словам Бодрийяра – симулякры – термин, обозначающий копию без оригинала, как, например, копия музыкального компакт-диска, обработанного на компьютере – это технически абсолютно воспроизводимое произведение, не имеющее оригинала («живой» песни исполнителя) в реальном мире. Но раз так, раз даже на уровне фактов, единичных вещей существует лишь неаутентичная действительность, то о чем можно говорить на уровне обобщений – законов, объяснений, теорий, истины. Но кроме характеристики истины как относительной, постмодернисты говорят еще о необходимости ее полезности. Мы видим в этом продуктивный момент творчества постмодернизма: способ восприятия истины как полезного оттачивает методологию исследования социальных наук. Любое социальное образование всегда будет воспринимать свою цель как стоящую реализации, только в случае ее полезности.

Проблемная ситуация возникает и в дискурсе о смысле. Постмодернисты ставят проблему смысла онтологически. Смысл либо должен быть, либо его нет. Отказ от поисков смысла выражен постмодерном в полисемантическом видении Барта: раз ничто не имеет смысла само по себе, а есть только различные интерпретации, то вполне логично отказаться от поисков смысла [3]. Но бесконечность интерпретаций не должна восприниматься как бесполезность попыток постижения смысла. Интерпретация явления иногда может иметь значение для сохранения жизни – и этого не могли не понимать постмодернисты. Пребывание сознания в области желания, за пределами логических структур – вот основной ключ к пониманию человека постмодерна. Желание ощущения бытия и одновременное неприятие необходимости быть; сложность жизни и доведенная постмодернистами до абсурда невозможность ее постижения через доказательные правила и законы – вот коренное противоречие постмодернизма. В связи с этим надо заметить, что культура постсовременности – это, прежде всего, культура большого города. Наслаждение, быстротечность, эклектичность,

поверхностность – вот что замечает постмодернист в городе. Разнообразие городской жизни лишь тешит человека постсовременности и лишает веры в стабильность. Но постмодернисты не замечают в городской жизни функциональной связности, считая ее фрагментарной, контрастной, разнообразной.

Символическая интерпретация реальности. Любое обобщение, закон, теория сформулированы, прежде всего, через знак, слово, язык. Р.Барт и его сторонники распространяли принцип, в соответствии с которым язык – это единственная доступная нам реальность, на широкий круг дисциплин – от истории до социологии, – абсолютизируя абстрактную форму теории, созданную практически в качестве аналога памяти. Абсурдность такой гносеологической концепции постмодернизма опровергается «загорским» экспериментом, который ясно и отчетливо разводит мышление и его символическую форму обнаружения. Мышление, доказывается в «загорском» эксперименте, имеет предметно-деятельностную природу, по отношению к которой язык оказывается лишь формой воплощения, «репрезентацией» мысли как предметной деятельности. Язык, слова, знаки, символы как таковые, в отрыве от своего предметного содержания, вовсе не исчерпывают человеческое бытие, как это провозглашается постмодернизмом. И все же тезис о том, что всё знаки, закрывающие реальность, а в большинстве случаев и не отображающие ее, основан на наблюдении, одном из основных методов наук. Постмодернисты используют дедуктивно-номологический метод науки применительно к социальной знаковой реальности и тем самым противоречат своим теоретическим установкам. Но надо отметить, что сегодня символическая культура стала действительной силой изменения общества. «Личность в таком обществе «децентрализована, диспергирована, размножена и непрерывно изменяется», она вовлечена в «непрерывный процесс одновременного становления многих идентичностей», поэтому знак, вместо того чтобы означать определенную вещь, относится к «потоку означаемых», и это становится характерной чертой эпохи» [2]. Преувеличение постмодернистами роли символов можно воспринимать, поэтому, как указание на факт усиления роли знаков в современном мире. Постсовременному человеку трудно дешифровать весь поток знаков, который обрушивается на него. Очищение знаков от фантазийных интерпретаций стало делом исключительно трудным, но сложность — не повод утверждать, что знаки вообще перестали отображать реальность. Как видим, попытки постмодернистов отвергнуть «великие сказания» лишь провоцируют исследователей к их созданию. Говоря о влиянии языка на знание, мы должны обратить внимание на то, что знание и информация приобрели в современном мире перформативный характер, т.е. их производство ограничивается ситуациями, когда точно известно, что они востребованы. Но подобный подход оправдывается лишь системностью, рамки которой и позволяют узнать, что считается полезным в данный момент. Это исключительно научный подход, основанный на статистических обобщениях и на сведении фактических данных в единую концептуальную схему. Он разрушает здание симулякров и возвращает нас в лоно Просвещения. Лиотар утверждает, что ценность информации измеряется ее эффективностью. Но что может быть более эффективным, чем знание закона, который может быть применим в любой момент к бесчисленному количеству событий. Так подтверждается наше заявление о мнимости релятивисткой интерпретационной концепции культуры постмодернизма.

Закономерность феномена постмодерна. Постмодернисты не замечают, что в своем отвержении «великих объяснений», законов, реальности, смысла, они сами представляют закономерное и цикличное явление: закономерное, потому что они представляют собой реакцию на вездесущую нормированность западной цивилизации, цикличное, потому что постмодернизм – это рецидив кинического из античного мира и карнавального из Средневекового. Пренебрежение к античной науке киники обосновывали номиналистической теорией познания. Карнавальная же культура Средневековья была направлена на отвержение его норм и на преобладание гротеска, удовольствия. Поэтому постмодернизм – это культурное закономерное явление, выражение вечного противостояния дионисийского и апполоновского начал, обостряющегося в определенные периоды жизни общества. Постмодернисты вынуждены излагать свои доводы в логически правильной форме, в форме понимания. Но как понять неаутентичное? Раскрывая реальность как неаутентичную, неподлинную, они тем самым навязывают реальности свое представление и становятся в один ряд с теми, с кем спорят. Следование общему в формуле «вся реальность неаутентична» - это само по себе уже «великое сказание», обобщение. Феномен постмодернизма мог возникнуть только в условиях современного капиталистического общества. Наши выводы подтверждаются замечанием Фредерика Джеймсона о том, что «возникновение постсовременности укладывается в логику развития культуры капитализма эпохи потребления» [2]. С точки зрения Дэвида Харви, особенности постсовременности связаны с гибкостью, которая свойственна современному капитализму, - в способности работников наемного труда к быстрой адаптации в потоках инноваций. Но отметим парадокс: культура постмодернизма оказалась не в ладах с трезвостью, постоянством и трудом – основными ценностями, которые, по Веберу, обеспечили успех капитализма. И здесь напрашивается интерпретация постмодернистской идеологии как эрзаца веры. Ведь там, где есть лишь стремление к удовольствию самого по себе, где отрицается все стабильное, святое, там и находят «приют» различного рода идеологизации реальности, выступающие в качестве экзистенциального эрзаца, потому что человек не способен существовать без устойчивых представлений об окружающем мире.

Выводы. Общим положением, позволяющим критиковать постмодернизм с любых позиций является положение о его релятивизме: давно замечено, что само утверждение релятивизма в качестве абсолютного принципа уже приводит к парадоксу. Как можно согласиться с тезисами постмодернистов, если они утверждают, что все тезисы ложны? Сами постмодернисты, чувствуя такой очевидный парадокс своей концепции, говорят о своей философии, прежде всего, как об искусстве, позволяющем противоречия, которые они оправдывают принципом нонселекции, то есть эффектом преднамеренного повествовательного хаоса, фрагментированного дискурса о восприятии мира как разорванного, отчужденного, лишенного смысла, закономерности и упорядоченности. Но такой силы сомнения, которое было в эпоху Просвещения, у постмодернистов нет. Они не сомневаются в своем существовании, а утверждают, рекламируют свое сомнение. Хотя постмодернисты находят рациональное объяснение своим аргументам, они отказывают в подобной рациональности позитивному теоретическому сознанию. Заслуга постмодернистов состоит в попытке обратить внимание ученых на перенасыщенность современного капиталистического общества ис-

кусственными поделками, а также в разработке символического понимания социального бытия. Но и здесь «оригинальность» принципиальной интерпретационности законов согласуется с попперовским высказывания о гипотетичности всех теорий и с неопозитивистским тезисом об экономии мышления [7]. Разница между Поппером и неопозитивистами, с одной стороны, и постмодернистами, с другой, в том, что первые признают продуктивность закона для постижения мира, а постмодернисты не признают даже самих обобщений. Но научная мысль должна находиться между фактом и обобщением, предельным, концептуально заостренным случаем которого и выступает закон.

Библиографический список

1. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1998. – 250 с.
2. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М.: Аспект-Пресс, 2004. – С. 310-359.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
4. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2000.
5. Бодрийяр Ж.Система вещей: Пер. с фр. – М., 1995. – С.28.
6. Лиотар Ж.Ф.Состояние постмодерна. – СПб., 1998.
7. Поппер К. Нищета историцизма // Вопросы философии. – 1992. – №8. – С.49-79; 1992. – №9. – С. 24-48; 1992. – №10. – С.29-57.
8. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии //Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С.495-546.
9. Гемпель К.Г. Функции общих законов в истории // Вопросы философии. – 1998. – № 10.

Материал поступил в редакцию 17.04.07.

I.V.TUMAYKIN

LAW AND POSTMODERNISM’S DISCOURS: THE DUALITY OF EXPLANATION OF THE MODERN SOCIAL WORLD

In clause polemic of the author with philosophy of a postmodernism concerning understanding of a category of the law is stated. Subject of polemic is denying by postmodernists of the social law, or «the great legend» as they name any generalization, called to explain the world acts. The author specifies theoretical defect and logic contradictions of the concept of philosophers - postmodernists and comes to conclusion that their theories, in turn, are not capable to do without conceptual generalizations. The positive moment of clause is ascertaining of an opportunity of practical use of the objective social law as analytical tool at research of public events.

ТУМАЙКИН Илья Валентинович (р.1975), аспирант гуманитарного факультета кафедры философии ДГТУ. Окончил философский факультет РГУ.

Научные интересы: социальная философия, прогностика.